

Цикл “Историк”

Рассказ III

Воин северной пустыни

Замерзшей пустыне по силам пробудить в человеке зверя, но непосильно пробудить в звере человека.
Олаф Слеггер

Я, ради невесты, устроил крысам забастовку. Даже выдвинул им кучу требований, несмотря на то, что было – только одно. Вот так. Все ради нее! А главное, – они согласились! Не на все требования, конечно, а только на – одно... Зато на – важнейшее, из-за которого я все им и устроил. Да мне, в итоге, другие мои заявления тоже неразумными показались – такими же, как некоторые капризы моей невесты... Капризы всегда такие... Просишь кого-то, к примеру, принести что-то, что тебе не нужно никак, только бы этот кто-то принес тебе это что-то ненужное. Важнее не задание, а его исполнение – глупость какая-то. Армейцы таких вещей, как завороты мыслей, не выносят. Айнер и меня, и мою невесту за такие выходки сразу подверг бы суровому наказанию, исправляющему ход мыслей, – вернее, выпрямляющему его. Но Айнера здесь нет, а крысы нас сурово не наказывают никогда. Вот мы и спорили долго над сложным вопросом сообразности моих других требований, пока крысы не вычеркнули из моего списка разумными доводами их все. Они оставили в списке только одно – разумное, а остальные отсекли, как кривые хвостики. И что ж? Они правы, конечно. Но я, как всегда, отклонился в сторону... А дело все в том, что...

Просто, крысы решили, что пришло время изучить отчеты великого стратега, генерала Луна, а моя невеста – записи врачей. Так и вышел у нас спор. Мне, правда, все равно, что изучать... Мне все интересно... Но я принял сторону моей невесты. Она же – моя невеста... Общими с ней силами мы крыс все же убедили – они согласились. Но поскольку моя невеста поняла, что обычная медицина людей нам не подходит, она решила изучить необычную... Поэтому крысам пришлось искать отчеты не врачей, а врачей-ветеринаров... Просто, врачи все лечат при помощи техники, а ветеринары – при помощи доступных нам средств. Моя невеста узнала, что вольным охотникам открыто тайное знание, – что им известно, как добывать антибиотики, убивающие бактерии, из мхов и всего такого. А у нас из-за вредных бактерий столько бед... Поэтому крысам и пришлось искать, а главное, – найти память вольных охотников. Правда, нас беспокоит, что мы имеем доступ только к памяти преступников. Боязно нам нарваться на преступного лекаря. Но что же делать? Выбор у нас не так велик.

Важно, что я все же знаю, что здесь собраны отчеты людей, страшных для одной системы, а не для всего остального. Такая уж здесь база данных. Это же разрушенное здание Центрального управления службы внутренней безопасности великой системы – человеческой державы, уничтоженной врагом... точнее, – временем. Я уверен, что для нас память нарушителей порядка человеческой системы не опасна, что нам мысли людей, восставших против их строя и их власти, вреда не причинят. Но все равно... не спокойно мне. Просто, не окончательно я уверен и убежден не бесповоротно, что опасный для системы человек не может быть опасным и для всего остального. Ведь одно другого вроде не исключает.

Запись №1

Звери начинают нервничать. Несутся по ровному ветру резкими рывками. Закидывают разверстые пасти в занесенные колючей пылью выси, клацают клыками. Сворачивают в стороны широкие шеи, щерясь в притихшую пургу. Мои ездовые скингеры скалят острые резцы в простертую перед нами холодную пустоту – в ледяную пустыню, которой не видно ни конца, ни края. Сколько ни старайся взглянуть вдаль ослепленными солнцем и снегом глазами, – взгляду доступно только тусклое свечение. Среди него меркнет сияние Хантэрхайма – северной твердыни и

девяти крепостей, хранящих границы территорий “охотничьего царства”. Громадный город вздымает высотные строения от стилового снег до черного космоса, от мерзлого камня до звезд. И с закатом, и с рассветом над городом восходит ввысь зарево света, разлетаясь над ледяной пустыней лучами, словно наша северная крепость – солнце всей нашей планеты, звезда всего нашего пространства – нечто великое, вечное и несокрушимое. Только хилое мерцание скрывает мощное сияние крепости солдат системы. За ним меркнет все вокруг – и высокие западные скалы, засвеченные звездами и замерзшие в высокомерном молчании маяками, и могучая восточная гряда, затянутая туманной мглой и тишиной, и зубчатый хребет, рокочущий грозами и разящая молниями, всегда мечущимся возле его мрачных изъеденных ветрами и изглоданных драконами вершин. За ним исчезает все – и светлая равнина, располосованная тонкими и темными расщелинами, и коррозионная корка крепкого наста. Не различимы и клыкастые льдины, стоящие вдоль черных пропастей сплошным частоколом, как воины стоят сомкнутым строем, или – одиночно, как стоят часовые. Не заметны и их хрупкие льдистые острия, отсвечивающие каленой сталью, как копья, или жестким железом, как колья. Сколько ни смотри во все стороны – на горизонте нет ни света, ни тени... кругом только глетчеры и иглистый снег – осколки льда. Но мне известно, что скингеры никогда не видят пустоты в замерзшей пустыне, как я. Они оповещают меня, что чувствуют опасность, – чье-то зло, чей-то страх – чувствуют что-то, что еще незримо и незаметно мне... Я резким окриком и щелчком хлыста остановил упряжку... Дал тягу, тормозя и крылатые “сани”... Всмотрелся в предгрозовое свечение, простертое передо мной и в ширь, и ввысь... Вперился зорким взглядом в свой путь, видимый мне одному, – не помеченный мной, не нанесенный на карты холодной пустыни солдатами системы... Но никакой опасности мне не заметно – никого пришлого в поле зрения нет... Щелкнул хлыстом, спустив в воздух трескучий разряд, и развернул скингеров против ветра... Ангрифф, головной, взвыл вслед за ветром, ударившим ему в голову... Это еще не боевой клич – это крик, предостерегающий подступающего врага... Я прервал вой, становящийся визгом, режущим слух, ударом хлыста... Шибанул скингера по хребту изо всех сил... Но зверь в голос огрызнулся, обернувшись ко мне... Я разогнал бич и рассек надбровье его злого глаза, обращенного на меня... На этот раз я заставил зверя замолкнуть... Но он с усилием сдерживает в горле гневный клич... Что-то разожгло его злой дух... Что-то заставило зверя вспомнить ярость, угасающую с годами под моим кнутом, и его глаза снова загорелись огнем...

– Ангрифф! Не атакуй пустоту! Еще не пришло время нападать! Еще не видно врага! Слишком рано вступать в сражение! Слушай приказ! Стой, Ангрифф!

Я напряженно всматриваюсь в слепящую снегом бесконечность... Нет, не вижу... Но в душу закрадывается холод, заставляя меня сосредотачиваться перед сражением... Начинается метель... Обзор сокращается... Ветер усиливается... А я все стою во весь рост на реюющих в воздухе “санях”, все смотрю поверх сгорбленных хребтов скингеров, стараясь различить врага среди бескрайних снегов...

Скрэль угрожающе пригнул шею вслед за головным... Даже его брат, обычно спокойный Стрель, тяжело припал к насту, щерясь в молчание белой мглы метели... Они тоже чувствуют угрозу... Но не надвигающаяся буря заставляет Фйорна, замыкающего, тянуть построжки сильнее, тесня впереди идущих зверей и скалясь ветру...

Я отключил затемнитель – сияние не ослепило незащищенные глаза... Холодное солнце скрыто пургой – один колючий снег искрится в воздухе осколками его сияния... Но и проблески света в тенях бурана не показали мне противника... Через пустые глазницы зверя мне не видно опасности – я скинул шкуру на плечи... Мне мешает маска...

Крепчающий ветер ударил мне в открытое лицо сухой стужей... Я, вопреки строгому запрету, вдохнул его глубже, следуя зверям... Но мороз студит пустошь, вытесняя запахи... Ледяная пыль звенит в замершем после очередного удара ветра воздухе, заглушая звуки... А ползущая над обледенелым настом поземка затирает очертания... Северная пустыня не терпит никого, не хранит ничего следа... Но я знаю, что чужие рядом... звери знают... Я закрываю глаза, всматриваясь не в свет, а во тьму... Я вижу их, троих, – излучение их мыслей... Они недалеко... И они не пройдут стороной... Их “стрелы” летят на высокой скорости... скоро они войдут в зону видимости...

Я смотрю вперед глазами мертвеца, зная, что мне остались считанные часы... и я – мертвец. Но зову служить мне и зверей, и бурю, бьющуюся о стены Штормштадта... И буря повинуется моему зову, врезаясь мне в грудь с растущей силой, сияя в моих глазах осколками льда...

Ветер взвыл под взвившимся бичом, осыпая меня ледяной пылью... Головной скингер вздыбился под ударом, заходясь пронзительным криком... Его клич терзает меня остриями высоких частот... Из его разверстой пасти готово вырваться незримое пламя... Но мой бич не позволяет ему направить свое излученное зло на меня... Он мощен – мой ведущий зверь, он зол – мой Ангрифф... Этот зверь сжег моего охотника... И с тех пор он не ведает покоя в своей злости... с тех пор в своей злости покоя не ведаю я. Я не бросил его шкуру себе под ноги... Я забрал его волю в свои руки... Нет, он не подчинился мне, но я подчинил его моему бичу. Мы, вечные враги, ненавидим друг друга. Но мы скованы его сопротивлением, как короткой цепью, мы связаны моей мстью, как крепким тросом... Мы опутаны прошлым, как паутиной прочных строп, не разрезаемых и стальным клинком...

Рублю искрящим кнутом постромки, отпускаю его... Он готов отдать жизнь за один вдох вольного ветра, и он отдаст жизнь – отдаст мне...

– Бери волю, Ангрифф! Но верни мне долг – стань моим оружием! Выведи из строя всю их технику! Сожги их всех! Сожги их, пока они не сожгли твою шкуру! Стань в схватке первым! Ступай! Атакуй их, Ангрифф!

Он выгнул спину, замерев на месте, готовясь броситься на меня... Но я оборвал его клич пылающим хлыстом, испускающим столпы искр, и он рванул в белую мглу бурана...

– Скрэль! Стрель! Фйорн! Пока вы не видите врага! Но пришло время вашего незримого пламени! Пошли! Накиньтесь на них пургой! Крушите их, кусайте, жгите!

Я рассекаю тросы постромок, отпускаю их... Я разжигаю их глаза сыплющим искрами кнутом, спуская разряд за разрядом... Гоню прочь их всех, одурманенных болью и злобой, заставляя их всех бросаться на моих врагов, вымещая на них и боль, и злобу силой... своей и моей силой, вызывающей на бой и бурю, и врага...

Подключаю защитное поле “саней”, низко парящих в воздушных потоках... Поднимаю их выше, выводя в верхний поток, пойманный крыльями... Решаю, что не время жалеть энергию, и перевожу аппарат на скоростной режим, пускаю в полет против ветра на предельно мощной тяге... Резко рассекая ненастье острым клювом, он пронизывает мрак метели жестким светом... Отвожу его в сторону от острых скальных осколков, и опускаю на наст, сровненный сильными ветрами... Скидываю с плеч косматую шкуру скингера, падающую на снег с тяжестью и покидающую меня с теплом... Затягиваю крепче крепления доспеха, заковывающего меня холодом... Отключаю поле, прекращаю подачу энергии... подходящей к концу энергии... Я не смогу улететь с этого места... А скингеров, тянущих крылатые “сани”, я отпустил, натравив на противника... Но не время думать про аппарат и скингеров – про мое возвращение... Я слетаю на прочную корку наста и несусь прочь от “саней”... от мыслей и воспоминаний...

Выбираю место столкновения в зоне пересечения – я встану и останусь на нем навсегда... Бросаю излучатели с зарядами, берясь за кинжалы... Нет здесь оружия вернее. Только этому простому оружию нет помех от кличей снежных зверей. Я сжимаю крепче в холодной руке хрупкий на морозе клинок, и зов с ветром рвется с моих пересохших губ...

– Сбей с курса их крылатые “стрелы”! Сожги их! Убей их всех! Пока тебя, холодного, не скрыл несходящий снег! Верни мне долг! Сожги их, Ангрифф!

Белые звери скрылись в белой мгле, наступающей на них стеной ледяной пыли... Но вой ветра не заглушил их высокочастотного визга... Клички скингеров слышны и в сильный шторм, звенящий и ревуший на всех частотах звука... Но звери замолкают, падая под вражеским огнем, исчезая под снегом...

А они совсем недалеко – “драконы”... Они летят ко мне... Я не думаю, что “драконы” делают здесь, – на территории глетчера Штормштадта – я разгоняю искрящий кнут...

Кровь хлещет у меня изо рта, заливая его глаза – теперь он не видит оскала моей всепоглощающей силы... Теперь он не увидит ничего... Офицер S9 сжал зубы и разжал руку, бросая кинжал, застрявший в моем грудном хряще и разбитом доспехе... Резким рывком я выдернул из груди его клинок, выплевывая и глотая темную кровь, – мою кровь... Захлебываясь и задыхаясь в горячей ярости, я упал ему на грудь, вытесняя его последний выдох... Ему не достало сил забрать мое дыхание, он должен отдать мне – свое...

Я с трудом сдерживаю жадность, заставляющую меня хватать воздух открытым ртом... Здесь нельзя дышать в бездумном забытии, не вспоминая про повелителя северного предела, не остерегаясь холода, властвующего среди белого безмолвия безраздельно... Здесь безрассудным мороз звериными зубами раздирает горло и разрывает грудь, заковывая легкие вечным льдом, отбирая вдох и забирая выдох... Он всегда готов остановить дыхание нагнецов, представших перед ним в виде поработителей... всегда готов наказать всех, посмевавшихся дышать перед ним полной грудью, подобно победителям...

Холодный север... Он не терпит вражеских вторжений... А его враги – все, насаждающие свои порядки... Никто не в силах его завоевать... Захватчика ждет расправа – короткая и жестокая... Он атакует страшными силами стихии – сжигает холодом насмерть, несмотря на сопротивление... или угнетает тоской – заставляет уходить в немую слепоту и тихо замерзнуть... Важно, что он – повергает противника... Он нападает на всех – всегда... Его никто не подчинит – никогда... Но и отвечать непротивлением на его натиск нельзя – покорность равнозначна смерти... Нужно противостоять ему постоянно... но в определенных, в разумных, пределах... Нужно все время стоять начеку и помнить, что потеря осторожности – смертельна... что при неверном расчете своих сил, человек становится врагом севера... В его войско вступают только люди, признающие его власть... Но среди них одни мертвецы – покойники, спящие вечным сном... Их одних он, не мучая, призывает навеки в свою заиндевелую рать – за повиновение его приказам, за веру и правду... Их одних, он чарует сиянием и уводит в снега, сохраняя в неизменном виде, считая своими соратниками...

Но есть и иные... не свои и не чужие... Люди, заслуживающие его терпения... Людей, не вторгающихся в его владения как завоеватели, но оказывающих сопротивление его смертельно опасной силе, людей, не посягающих на его власть как захватчики, но отстаивающих свои права, – он терпит... Он позволяет им сохранять свою жизнь и находиться среди его снегов, становясь вольными охотниками, – воинами севера, пролетающими над его вечными льдами вслед за ледяными ветрами, не оставляя следов... Мы – эти люди... Мы словно призраки промерзших пустынь – словно духи севера, носящиеся в воздухе над его снегами и под его сиянием в параллельном пространстве и времени... Не враги и не соратники... Мы и скингеры – звери, издавна скитающиеся здесь, среди скал, и в шторм, и в штиль...

Север не терпит нашей крови, пролитой на его бескрайние снега... Он студит и останавливает нашу кровь, не позволяя нам пятнать его чистое сияние... Я знаю и жду... Я покорно пью мою кровь, ожидая его равного пощаде нападения на мои раны...

Моя кровь стынет в венах, и мой трезвеющий разум отмечает, что вечный холод тянет уходящее тепло офицера S9, – моего врага... Я забираю себе остатки тепла его тела – мою добычу, разделенную только с холодным воздухом... Он, залетевший с востока “дракон”, не знал, что Штормштадт – моя крепость, что его бураны защищают меня, как его стены... Этот офицер не знал, что он не только мой враг... что он и его солдаты – враги ледяной пустыни...

Я скрепил замерзшую руку на рукояти моего кинжала и вынул впившийся в горло врага клинок – теперь алая, еще горячая, кровь “дракона” течет без биения пульса и парит прямо мне в открытое лицо... Я, упершись обеими руками в грудь офицера, постарался подняться... Но встать мне не удалось – только оттолкнулся от убитого врага, валяясь на снег возле него... Упав среди его солдат, я стал смотреть на жесткую корку наста пустыми глазами покойника... Мне нужно найти силы... последние силы... и я поднимусь...

Перевернулся на спину, поднимая еще дрожащую от напряжения руку, намертво примерзшую к кинжалу... Подмерзшая, густеющая, кровь стекает с лезвия на рукоять, на перчатку, сковывая мою руку с моим оружием еще прочнее, – сковывая багровым льдом. Я смотрю на клинок и смеюсь.

Мое прерывистое после ранения дыхание пресекает стужа, но я – смеюсь. Я взял себе три жизни, а за гибель троих отдал одну только боль сбитого дыхания! Я потерял зверей, я теряю кровь! Скоро мне конец! Скоро, но не сейчас! Сейчас я еще дышу вольным ветром!

На мой смех слетаются “черные вороны”... Ко мне приближается высший офицер службы безопасности Штормштадта – S11... Он не один – с ним стая... Я открываю глаза и вижу, как ветер рвет их черные шинели, я закрываю глаза и слышу, как бьются о ветер их черные крылья... С ними высший офицер S3 – нейропрограммист с разумом холодным, как у “защитника”... И “защитники” – сильнейшие машин системы, внушающие страх всем людям – и врагам, и соратникам... А темные стуженные капли “драконьей” крови все падают на мое открытое лицо... А мое горячее дыхание все отпускает в стылый мрак смех, звенящий в морозном воздухе, опадающий инеем на моих пересохших губах...

Офицер S7 в черной шинели схватил меня за руки, резко поднимая на ноги... пресекая мой смех, задушенный потоком крови, хлынувшей ртом... И я молча стою в снегу, не споря со стужей и скукой, ожидая смерти, присматриваясь к офицерам, склоняющимся к мертвецам...

– Смерть Лао наступила считанные секунды назад! Мы получим четкую схему его памяти!

– Его смерть обратима! Мы воскресим его! “Защитники”! Берите его! Быстрее! Транспорт подошли! Подключайте его к аппаратам!

Светлые “защитники” подняли мертвого “дракона” S9 и скрылись, окруженные белесой мглой... Ветер, бьющий мне в лицо, сбил меня с ног... Опускаясь на колени, я склонил перед ним голову, и он вынудил меня отдать снегу выжатые из легких вялым кашлем капли вязкой крови – леденеющей, но еще льющейся из рта... Я взглянул вслед машинам, мерцающим в защитных полях и меркнувшим в грозном мраке... Посмотрел на поверженного врага – в последний раз, как в первый... Я всмотрелся в его лицо, не веря своим глазам... Я не знал, что этот офицер S9 – полковник Лао, готовящий диверсионные отряды для Хакая, трижды сожженного и восстановленного из пепла полководца мятежной рати...

Я запустил руку в волосы, разметанные по плечам буйным ветром... “Золотые драконы” и их диверсионные отряды, “черные вороны” службы внутренней безопасности и “серые волки” войска системы – они все так далеки для меня теперь... С тех пор, как я вырвался на свободу, они все стали так далеки для меня... как их бесконечные бои, как их вечная война... Я с трудом вспоминаю про строгий строй и суровую власть Совета, про вооруженные силы системы, повинующиеся воли верховного правителя... Мне давно нет дела до всех их великих деяний – я давно не их штурмовик... Мне безразличны и “вороны” – они не станут тянуть из моей головы тайные мысли отточенными когтями и терзать меня острыми клювами... я безопасности системы не угрожаю... Я просто преступник... простой преступник, осужденный на смерть офицером моего штурмотряда... Обычное дело – ничего особенного... Меня “вороны” когтями не тронут – не пытая, пустят мне в сердце смертоносный луч... Я поднес к лицу руку, втянул запах крови “дракона” суженными ноздрями, но на морозе кровь не пахнет...

Офицеры исчезли, как появились, вслед за техникой... Исчезли, не оставив следов, забрав мертвых “драконов”, их снаряжение и крылатые “стрелы”... Со мной остался только унтер-офицер с четырьмя бойцами службы безопасности... Но этот бледный сержант стоит передо мной молча – тихо трет застуженные руки, спокойно смотря мне в лицо и не собираясь в меня стрелять... Его солдаты, стоящие в стороне, взяли меня под прицел, угрожая открыть огонь, но ожидают приказа командира с железной выдержкой... А он все молчит, терпя укусы холода и внимательно всматриваясь в меня...

– Уходи, сержант, и уводи своих солдат... Оставь меня в одиночестве...

– Олаф Слеггер... Мы встречались... Мы вместе сражались в восточной крепости Хантэрхайма... Я помню...

– А я, нет... Уходи и оставь меня умирать одного...

– Я должен взять тебя и доставить в шестую крепость Хантэрхайма – в Штормштадт... Живым или мертвым, Олаф...

Я огрызнулся на грозовой фронт, словно застрявший на месте... Злюсь на него, глухого к моему зову... Нет, шторм, могущий сокрушить скалы и стены Штормштадта, не откликается на мой

призыв – он не тронет моих врагов... А его отголосков, доносящихся издали, для разгрома бойцов северной крепости не достаточно... Сопротивляясь им, мне придется рассчитывать только на свои силы... а они меня стремительно покидают... Я перевел равнодушный взгляд на нового противника, намеренного перекрыть мне дыхание, отнять у меня вольный ветер...

– Тогда дождись моей смерти – в стороне, вне поля моего зрения, не попадаясь мне на глаза...

– Мне отдан приказ, а времени на ожидание не дано. Бросай оружие, Олаф. Забудь о злобе и борьбе. И не помышляй о сопротивлении. Подчинись мне и пойдешь за мной по своей воле.

– Меня ты возьмешь только мертвым... Ты вернешь в укрепление только мое холодное тело... А оружия я и покойником никому под ноги не кину – оно примерзло к моей руке...

– Зря ты противишься мне. Ты не знаешь, что...

– Не заставляй меня вступать с тобой в бой... Ты попусту потеряешь людей – получишь не один мой замерзший труп, а четыре... Трех я прикончу... Ты получишь их, промерзших... коль не войдешь в их число, конечно...

– Мне жаль, что ты решил просто изничтожить свою жизнь, изувечить свое будущее... Ты ведь был славным бойцом, Олаф...

– И был, и остался...

– Нет, теперь ты только убийца, бегущий от кары...

– Я убил, расчищая дорогу, когда решил уйти... Я был бойцом, но решил стать вольным охотником – свободным воином севера... Теперь охота – моя жизнь и смерть... А какого рода будет моя последняя добыча – мне разницы нет... Уходи и уводи людей...

Сержант с сожалением отрицательно качнул головой...

– Перестань сопротивляться мне. Пойдем со мной. Олаф, ты пойдешь не на смерть... Ты просто не понимаешь... Ты не знаешь о приказе... Но покончим с неясностями... Я расскажу – ты только послушай... Приговор не приведет в исполнение... Твое дело будет пересмотрено... Тебя будет судить верховный трибунал... Ты совершил славное деяние... И высший военный суд установит степень твоей вины с учетом этих сведений... Будь уверен – тебя пощадят... Тебя простят... Тебя исцелят, Олаф... Ты вернешься в штурмовой отряд... Ты будешь служить в войсках системы, как прежде... И ты сможешь служить верно, как раньше, Олаф...

– Лао настолько ценен, что искупит мою караемую смертью вину?

– Он знает Хакая и его тайны – его память просто не имеет цены. Подчинись мне – и тебя простят.

Я поднял голову, с трудом и с хрипами вдыхая ветер... Его зов... Я слышу его – Ангриффа... Клич зверя различим еще только для меня одного, но я ясно слышу его за воем ветра... Он идет за моими врагами, за мной... Я сжал нож, когда зверь вырвался из метели... Черные раны зияют на его груди среди ключев обугленного меха, но снежно-белая шерсть дыбится на загревке... Лучи “драконов” прижгли его раны – они не кровоточат... “Драконы” не убили зверя – только разожгли его зло... Он воротился... явился убить моих врагов... и меня...

– Я не вернусь никогда... Никто не подчинит зверя, дышащего ветром северной пустыни... Зверя можно только убить... Но ты не сможешь убить зверя, приходящего с ветром... Ты не охотник – ты только боец...

Унтер-офицер зябко свел плечи и сдвинул брови, осматриваясь... Его солдаты, стоящие все это время в стороне, перевели прицелы с меня на Ангриффа... Я сцепил пальцы на рукояти примерзшего к руке оружия... Одно резкое движение, и мой клинок полоснул колено унтер-офицера лезвием – с наружной стороны сустава, в месте выхода артерии на поверхность... Он устоял, берясь за оружие, но бросил взгляд на бьющую из раны яркую кровь... Его взгляд был быстрым, но он дал мне время... Я поднялся, поднимая клинок...

Я резко занес руку... Он с перерезанным горлом упал замертво, марая кровью истоптанный сапогами снег... Это быстрая кровь – не течет, а бьет ключом... Такое кровотечение не остановить и такому морозу... Он замедляет и светлую, алую, кровь, но никогда не останавливает, как темную, багровую...

Я опустил руку, сведенную судорогой... Сердце не справляется, не нагоняет кровь в поднятую руку, скованную холодом... Мне просто не хватает крови... Я в отчаянии посмотрел на алый поток,

изливающийся из горла противника, – горячий, топящий спрессованный веками снег... Как мне нужна его кровь – кровь моего врага... Но снег возьмет все себе... Он скроет и меня, холодного, – ведь я обессилен и слабею... Но не сейчас... Скоро... но не сейчас...

Я бросился к бойцу, занятому зверем... Но мне уже слишком тяжело дышать, и замерзшие руки совсем непослушны... Нож лязгнул об ошейник бойца... Он обернулся и чуть не выбил мой клинок у меня из рук... Но зверь, увечающий его сложное оружие излученным злом, заставил его забыть про меня... Боец только оттолкнул меня ударом в грудь – ударом упора штурмового излучателя... Я, окончательно лишенный дыхания, повалился на спину... на обгаренный наст, не принимающий больше моей крови... Темные лужи остались зеркально блестя на обледенелом снегу... Я постарался встать, но понял, что не встану... и останусь лежать в луже моей замерзающей крови... Я останусь здесь, рядом с этим мертвым сержантом... Он был так несообразителен и добр, что мне было бы его жаль... если бы я не забыл о жалости... Он допустил ошибку, стоящую ему его skóry... Теряешь бдительность – теряешь и жизнь... Только об этом я и могу теперь думать... Никогда нельзя выпускать врага из зоны видимости... Никогда не следует считать врага другом... Зря этот мертвец вспомнил прошлое – он стал видеть не меня, а мой призрак, сохраненный его памятью... Прошлое всегда должно оставаться позади... Ему место за спиной, как оружию во время марша, а не сражения... Нужно понимать и помнить, что перед тобой – враг... От начала и до конца нужно сосредоточенно смотреть в глаза жестокой жизни – и жить...

Клич зверя отдается в голове болью, заглушая стук ошалелого сердца, крики солдат... Ангрифф... Он доберется и до меня, он идет ко мне... Космы его меха вьются вместе с вьюгой, застилая мои глаза снежной пеленой... Пар его дыхания оседает инеем на моем лице...

Я не задавил, а затаил зло, горящее в душе огнем... Я замер и открыл глаза, слепо смотря на свет холодного севера... Застыл и задержал в груди скрежет моего, разорванного в клочья дыхания... Открыл разум мертвому молчанию и мгле, мерцающей колючим снегом... “Огнедышащий” зверь не тронет меня, мертвого, и отступит во мрак метели... Меня заберет не его незримое пламя, а мороз, повелевающий в пустыне, ставшей последним пристанищем моего беспокойного духа...

Запись №3

Крик скингера всплывает из памяти – больше ничего... Нет, я неясно слышу оглохшими ушами свист буйного ветра, вижу бескрайние снега ослепленными глазами... Я дышу ветром... Я дышу – без боли, не хрипя, вдыхаю чистый холод... Но мое легкое было пробито кинжалом Лао, а мое тело без дыхания упало в снег – я помню последнее усилие вдохнуть, помню зверя и темноту... Но теперь я лежу на зависшей в воздухе платформе, на разостланной шкуре скингера... А у меня под рукой бич... И я слышу за еще не улегшейся бурей визг зверей, легших в снег в упряжке...

– Олаф, проснулся?... Давно пора...

Я поднялся на локтях... Бйерн, склоняясь надо мной, тяжело оперся рукой о низкий борт платформы, держащейся невысоко над настом. Он смотрит на меня, но краем глаза следит и за зверями, то и дело щелкая бичом, не позволяя им разбрестись и спутать постромки.

– Бйерн, где Ангрифф?

– Я его не видел. Никого из твоих злобных тварей, Олаф...

– Откуда ты?

– С базы. Тебя искал. Решил – не вернешься к рассвету – искать выйду.

– Один?

– Один. Они ждать не могли больше – зверя бить ушли без тебя. Только Грелл на базе остался... Просто, не могли мы подобранный вчера бойца ни с собой взять, ни одного оставить – Грелл с ним остался.

– Нового охотника подобрали?

Бйерн угрюмо накренил голову к плечу, упирая насупленный взгляд в изрытый зверями снег...

– Черт его знает, кто он... Разберешь его... Думали, Сигурду замену как раз вовремя подыскали, а оказалось... Теперь не знаем, что с ним делать. Но о нем после... Надо выдвигаться – звери

нervничают, к ночи это ненастье сильным штормом разразится. Нас сметет, если до территорий базы не доберемся...

– А ты меня как починил? Я ж...

– Олаф, у них регенератор был... Я уж энергии не пожалел... Думал, ты эту пытку помнишь – ты тогда глаза открыл...

– Нет, не помню... Последнее, что помню – зверя... Он стоял и смотрел, как я задыхаюсь... и ждал, когда я...

– Олаф, забудь о нем. Он ушел.

Я осмотрелся... Но среди мертвых солдат службы безопасности, обобранных и скрытых нанесенным пургой снегом, Ангриффа не увидел...

– Он не тронул меня, решив, что я мертв... Он смотрел на меня, он ждал – словно проверял, словно не верил... Но он ушел, не услышав моего дыхания... Он сжег моих врагов, не тронув меня... Но мы не расквитались с ним... Он думал, что я мертв... Но я жив... как жив он... Ты понимаешь?.. Он проведает все... как всегда... Он вернется и станет вновь вгрызаться в мой разум, упиваясь моими муками... Но не вечно – только до тех пор, пока я не изопью его крови... до последней капли...

– Олаф, он просто зверь... Злой, сильный зверь, защищающий себя и стаю...

– Нет, Бйерн... Ангрифф не защищается, он нападает – на всех, кого видит, кого чувствует...

– Он не знал никого, кроме охотников, выслеживающих его, и бича, хлещущего его хребет.

– Каждый удар моего бича был в память о моем друге...

– Олаф, нельзя мстить зверю. Он не понимает.

– Нет, Бйерн, он знает и помнит...

– Он напал на охотника, защищаясь. А ты заарканил его и окончательно снес ему голову бичом, Олаф... Ты вбил ему в голову свою злобу, вот он и бросается теперь на всех подряд...

– Ты не видел, как горел под его злобой Варт... Не видел, как этот зверь разрывал мое сердце криком... Как он смотрел на меня, скосив злой глаз, когда Варт упал к его ногам, когда я стоял, оглушенный, не способный поднять оружие... Ты не знаешь, какую силу пробудил во мне огонь его злобы... как взвился над ним впервые мой горящий синим пламенем бич...

– Не видел, но знаю, что ты тогда не застрелил зверя, а заарканил... Ты притащил его полудохлым, с обгорелой шкурой, пропитанной кровью и дымом...

– Ты осуждаешь меня...

– Да, Олаф. Но я знаю, что прежде и у тебя был друг... что Варт был твоим другом... Иначе я бы тебе этот поступок так не оставил, Олаф. Забудь про это безумие... про этого зверя.

– Ангрифф не просто зверь, Бйерн... Его не сожгли даже “драконы”...

– Олаф, я не знаю, что здесь было, но Ангрифф – просто сильный зверь.

– Бйерн, ты видел, что он сделал с этими бойцами?

Он насупил еще суровой и опустил голову еще ниже...

– Видел, Олаф...

– Нет, их ожоги скрыл снег... и ты не посмел открыть их раны...

– Я особо не трогал их... Их обмундирование повреждено, техника почти вся выведена из строя... Я забрал у них только ножи, энергоблоки и регенератор...

– Иди смотри...

– Не нужно, я знаю, что дикие скингеры меняются без серьезных коррекций системы... Знаю, что они становятся сильнее и злей, что мощность их излучения возрастает... что они применяют это излучение как оружие чаще...

– Иди смотри... Смотри, что сделал Ангрифф... Смотри на его расправу...

Но Бйерн надел маску, скрывая лицо, разогнал бич, спустив разряд в воздух, и его занесенные снегом звери поднялись, натягивая построжки... Бйерн на ходу запрыгнул на платформу и еще раз спустил разряд, подгоняя сереющих на глазах зверей... Их шкуры темнеют вслед за небом и равниной... И ветер рвет их мех все сильнее, срывая с него последние снежные искры, гаснущие в глухом мраке... Начинается... Бйерн гонит зверей, и без его усилий сломя голову несущихся к укрытию... Но буран нагоняет нас, отступая с территорий неприступного Штормштадта...

– Олаф, этой бури нам не обогнать! Надо остановиться и переждать!
– Нет!
– Энергии защитному полю хватит!
– Нет! Отдай мне бич! Я буду править!
– Не дам! Это моя упряжка, Олаф!
– Мы не будем стоять и ждать! Он здесь – Ангрифф! Он идет следом – с этой бурей, с бураном!
– Ты одержимый!
– С бурей пойдем и мы!
– Мы не пройдем! Ты только загонишь зверей!
– Дай мне бич!
Я жестко схватил его за руку, но он сорвал мой захват...
– Что ты делаешь, Олаф?!
– Дай мне бич! Я знаю, что делаю!
– Ты не заставишь зверей!
– Заставлю!

Я, не дожидаясь ответа, выхватил бич у него из рук, нахлестывая снежных тварей... Но ветер чуть не сшиб их, и пришлось развернуть упряжку к ветру, резко тормозя... Мне едва удалось сдержать зверей и заставить лечь в снег... Теперь только ждать и терпеть... А после – гнать изо всех сил. Скингеры пригнули головы, прячась в густом меху... Бйерн включил защитное поле платформы, но энергия на исходе, и полю не хватает мощности... Я подключил маску вслед за товарищем, ожидая первых ударов ветра...

Но что это?... Что-то стоит на границе непроглядного мрака камнем... Что-то рвется с ветром из надвигающейся стеной мглы... Ангрифф... Среди снежных игл блистает злой глаз зверя... Ангрифф! Израненный, он идет ко мне... Никто не смог убить его – никто... Теперь он пришел с бурей сразиться со мной, уничтожить меня... Я убью его – убью зверя. Я сжал руку на рукояти бича, сходя с опущенной на снег платформы, выходя из защитного поля...

– Олаф!.. Какого черта!..
– Он здесь!.. Он пришел сразиться со мной...
– Олаф!..

Бйерн не бросит упряжку, не пойдет за мной – он никогда не теряет головы, не следует за теряющими голову... Он никогда не поймет, что этот зверь пришел с бурей – пришел уничтожить меня, нас всех... Он всегда будет думать, что Ангрифф – просто дикий зверь... Но я знаю... И не будет мне покоя, пока я не отомщу ему – пока я не сожгу его шкуру... или пока он не сожжет – мою...

– Ангрифф!

Он отходит, отводит меня во мрак, невидимый во тьме бури... Но его мысленный фон различим четко – я читаю его мысли, я ощущаю его злобу...

– Ангрифф! Ты уходишь от меня! Тебе не заманить меня во мрак! Ты пришел за мной, так иди ко мне и сразись со мной! Ангрифф!

Он отозвался надсадным криком – звенящим кличем скингера... Я не вижу его, и он не входит в мое поле зрения, но я спускаю разряд за разрядом, освещая мрак холодным огнем бича... Ветер сшибает меня с ног, но я хлещу его горящим кнутом...

Запись №4

Бйерн встретил меня молча, придавив тяжелым взглядом из-под отключенного и прозрачного затемнителя. Но я влетел в защитное поле, поднимающейся над прочным настом платформы, не обращая внимания на его неуклюжее осуждение. Мой кнут взвился над хребтами занесенных ледяной пылью зверей, и они вырвались из-под рассыпающихся искрами снежных заносов... Затишье внезапно навалилось на нас тяжким грузом, оглушая звенящей тишиной и ослепляя ярким светом. Но нас настигает очередным порывом ревущая буря и грозовая тьма – и этот сумрачный рокот только кажется таким далеким... Я гоню зверей, не жалея заряда бича... Бйерн угрюмо

следит за послушным моей руке хлыстом, за несущимися вперед зверьми, за застывшим вокруг нас сиянием снежной пустыни... Он мрачнеет с каждым взмахом гудящего высоким напряжением кнута, с каждым рывком взведенных страхом зверей, с каждым выпадом жалящего нас в спины ветра...

– Олаф, буран нагоняет нас... Тормози...

– Теперь нельзя стоять и ждать! Теперь звери упадут и не встанут! А мы – замерзнем!

– Мы не можем нестись так дальше! Шальк выбился из сил! Тормози! Его нужно выпрячь!

Черт... Бйерн прав, замыкающий еле удерживает скорость... Я подстегнул головного, чтобы этот мощный зверь тянул сильнее, но замыкающий... Он простодохнет! Мы должны выпрячь его сейчас, должны остановиться... Но, остановившись, мы потеряем упряжку... Сейчас этими тварями движет только инерция рывка – запредельного страха перед обрушенными на них ударами бича и бурана... Стоит нам оборвать этот инертный страх, заставляющий их нестись вперед, они падут без сил и не поднимутся... не поднимутся... Но у нас нет выбора.

– Держись!..

Я торможу резко, с разворотом... Зверей заносит, и они валятся в снег, ломая наст, вздымая блистающую дымку ледяной пыли... Мы не справились с управлением, но не сорвались, устояв, – не провалились под разломанную корку промерзшего снега, не напоролись на вздыбленные над настом льдины... Мы выстояли, преодолев все крены трудного разворота, и расцепили руки, примерзшие к прочным поручням, сойдя на крепкий наст с остановленной и выровненной в воздухе машины... Бйерн бросился к загнанному зверю – замыкающему, замертво рухнувшему на вспоротую когтями обледенелую корку... А я кинулся поднимать головного...

– Он не встанет, Олаф! Прекрати!

– Я подниму его!

– Он умирает, Олаф! Его горло и грудь искромсаны в кровь – ему конец!

– Выпрягай замыкающего!

– Мы загнали их! Ты что, не видишь, как они дышат! Их дыхание сорвано! Онидохнут, Олаф!

– Подохнут они – подохнем и мы! Мы должны поднять их! Помоги мне!

Он перехватил мою занесенную для очередного удара руку, удерживая с силой, неподвластной мне...

– Нет, Олаф. Мы оставим их и пойдем дальше пешими.

– Отпусти меня. Не заставляй...

– Я не пущу тебя. Не думай, что ты один способен будить в себе силу зверя... Я тоже – воин Хантэрхайма... У нас нет времени на это упорство, Олаф... Нам нужно бросить их и идти...

Я опустил руку, отключая бич, стискивая зубы, уходя не оглядываясь... Ветер бьет мне в спину все сильнее, бросая меня вперед... Бйерн терпеливо бредет за мной, смотря под ноги... Но я чувствую прямой взгляд мне в затылок – взгляд зверя... Я обернулся... Остановился и отдал ветру мой крик...

– Ангрифф! Я сожгу тебя первым!

Зверь не отзывается, но идет следом за нами... идет с бурей... Бйерн оглядывается все чаще. Он зарядил и подключил излучатель, готовый спустить мощный заряд... Я сжимаю в руке рукоять бича...

– Олаф, он подходит ближе!

– Он будет стараться убить нас. Будь наготове.

– Скингеры не нападают, когда им не угрожаешь прямо... И раненные – они не нападают, когда нет прямой угрозы... Они стараются скрыться, сберечь силы, которые никогда не отдадут врагу, имея выбор... А этот зверь может уйти, держаться подальше от нас...

– Неужто ты не понял, что этого зверя разъедает зло?..

– Он зверь... Его зло коротко и просто, как и его память...

– Ангрифф помнит запах смерти... смерти врага... Он будет стараться убить нас...

Бйерн остановился, разворачиваясь... Но его излучатель наводку не взял, угнетенный помехами... Клич зверя разнесся с ветром и зазвенел с бьющими мне в лицо ледяными осколками... Ангрифф нападает... Нет, сложное оружие бессильно против него... Его излучение

сбивает все настройки... А навестись на него без автоматики... Его не видно – слишком темно... А ментальный фон... Взять точную наводку в таких условиях – слишком сложно... Я подключил бич, едва удерживаемый обмороженной рукой... Поднял глаза, но не увидел...

– Бйерн! Остановись! Вернись!

Он ушел против ветра... Но меня встречный ветер просто сшибает с ног... Вьюга оплетает меня снежными вихрями, кружа голову... Но я не останавливаюсь, хоть Бйерн отходит все дальше и дальше... Я не должен потерять его – выпустить из зоны ментального восприятия...

– Бйерн! Три метра! Не подпускай его ближе, чем на три метра! Иначе он сожжет тебя без труда!

Бйерн не отзывается, отдаляясь... Я потерял сигнал – и его, и зверя... Я стою один среди бушующих ветров и, как замороженный, смотрю в грохочущую тьму, объявшаую замерзшую вечным холодом пустыню... Я не найду его... Его занесет снегом, и я не найду его, как бы ни искал...

Зверь... Он увел охотника, отдал его буре... забрал его себе... Зверь... Он сбил настройки моего браслета... Я потерял ориентиры, координаты... Я не знаю, где я, куда мне идти... Зверь... Он остановил время, сокрушив пространство...

– Ангрифф! Сразись со мной!

Я разрубил ветер искрящим бичом, но не услышал ничего, кроме воя ветра...

Запись №5

Я очнулся с тяжестью, навалившейся на мою грудь неподъемной тушей зверя... Он душит меня, обрушившись на меня с неподвижностью мертвого, и я не могу подняться, смотря в его застывшие открытые глаза... Я помню, что мы схватились, что я убил его... ценой жизни... Но я живой! Я живой! А он и мертвый убивает меня! Он и мертвый смотрит мне в глаза, кормя вечно голодный дух моей ненавистью! Моим страхом... моей болью... Утихающий ветер еще разносит метель, но я не могу вдохнуть его холод... Душный жар давит мою грудь... И мой крик рвется из горла огнем... зажигая глаза зверя злом...

Бесчувственные пальцы впились в косматую шкуру, но звериные когти врезались в наст, пригвоздили к нему мои спутанные волосы... Бич вырубился, он не в порядке и нуждается в перезагрузке... А клинок... Клинок блеснул окровавленным клыком – зверь отпрянул от меня, и я рванулся от него...

Я замер, стараясь подавить озноб... Ближний бой... с этим зверем... Что ж, пусть ближний бой, я готов...

Сгибаясь в спине, крадусь к нему – следя за ним обоими глазами, обхожу его, огибая кругом... Зовя его, кричу надсадно...

– Ангрифф! Мы старались убить друг друга! Но мы оба живы, спасенные друг другом! И не зря огонь нашей ненависти не позволил вечному холоду забрать нас обоих! Мы сразимся еще раз! И смерть заберет одного! Один будет сожжен огнем и погребен холодом! Один, Ангрифф! Только кровь – мост между льдом и пламенем, Ангрифф!

Зверь молча обходил меня, смотрел на меня пристально, как я на него... Но он вскинул голову на мой крик и посмотрел мне прямо в глаза – он потерял свое время, сведя взгляд с моих рук... Я решил напасть со спины и коротким рывком кинулся в сторону... Обошел его сбоку, собираясь обрушить на него все свои силы, сбить его с ног и всадить свой клинок в его горло... Но он сообразил, что я заставляю его терять время, забираю его время, отводя от угрозы его глаза и мысли... Он оборотил ко мне гордую голову, требуя взглядом благородного духа белого безмолвия открытого боя... И я склонил голову, соглашаясь... Нас окружает метель, отсекая нашу вражду от пространства, от времени, заключая в клетку бессрочной бесконечности...

– Олаф!

Я вырвался из клетки измененного для боя пространства – измененного сознания... И зверь исчез, скрытый белой мглой, из которой явился Грелл, гонящий разрядником звенящих когтями скингеров...

– Олаф!
Грелл притормозил платформу, подключая тягу и осадил зверюг...
– Олаф... Ты жив... Черт...
Он спрыгнул возле меня, сдирая с лица маску, хватая меня за плечи...
– Жив... Олаф, а я ведь тебя сначала за зверя принял – издали... из-за шкуры...
– Ты видел его?
– Кого, Олаф?
– Ангриффа?
– Нет... Ты потерял упряжку?..
Я кивнул. Грелл, посуровев, всмотрелся мне в лицо...
– А где?..
– Он мертв. И упряжки мы потеряли.
Грелл, мрачней, надел маску, скрывая лицо...
– Я знал, что этот шторм... Такую бурю и опытному охотнику преодолеть непросто...
– С бурей пришел Зверь... Он забрал охотника... увел в буран... в белую пустоту...
– Ты сказал – “зверь”?.. Ты сказал – “увел”?..
– Увел, Грелл...
– Тоска уводит людей в снежную пустыню... Это призрачное мерцанье чарует людей, опустошенных вечным холодом... Их манит сияющий далеким маяком Хантэрхайм... Звезды, снег – все, но не зверь... всех, но не его – не этого охотника... Что здесь произошло, Олаф?..
– После, Грелл... Надо уходить... Скорее! Дай мне бич! Я буду править!
Грелл с неохотой отдал мне бич, смотря на меня с неясным недоверием...
– Ты будешь вынужден держать ответ, если не объяснишь добровольно.
– Не сейчас! Вперед! Скрывающая нас метель стихает! Скоро будут подняты в воздух разведчики, высланные искать меня! Скоро за мной придут бойцы северных армий! Скоро явятся по мою душу “черные вороны” – охранники системы!
– Да что здесь случилось, Олаф?!
Бич прорезал свистом присмиривший воздух и затрещал разрядами...
– Я убил офицера “золотых драконов”, нужного системе. Но не принял скупой дар системы. Мне не нужно такой пощады. Я дал отказ, я не намерен служить цепным псом этой бесконечной войне. Теперь меня не будут считать обычным изгоем вне закона. Меня будут искать не так, как прежде. И карать, когда найдут, будут не так...
Грелл повернулся к встречному ветру, перевел с меня напряженный взгляд, смотря на простертую перед нами плоскость, сломанную лишь далекими скалами... Но я вижу, как сильно сжимает он руку на поручне с разгорающейся панелью управления...
– И не думай ссадить меня, Грелл...
– Ты выдашь системе нас всех, Олаф...
– Мы уйдем с этой базы и скроемся.
– Подходящую базу найти не так просто. А завтра мы должны будем забить упряжных зверей...
– Что за глупость ты придумал, Грелл?!
– Не я... Мы все решили так – скингеры стали слишком тяжелы в управлении.
– Решили без меня?! Стоило мне уехать, как вы!..
– С тобой или без тебя, Олаф, мы с упряжками не справляемся.
– Их придется распустить. Но не сейчас... Без них нам подходящей базы точно не найти...
– Распустить?..
– Да, Грелл. Теперь мы не сможем хранить столько мороженных туш. Нам придется уходить от погоны – постоянно...
– Олаф, я не могу доставить тебя на нашу базу, когда “черные вороны” системы следят за тобой. Я дам тебе снаряжение и сухой паек на месяц, и ты сойдешь – здесь и сейчас.
– А что ты будешь делать, Грелл, потеряв охотников? Они ушли, и могут не вернуться, как Сигурд... как Бйерн... Ты останешься один... Ты один не сможешь бить дикого зверя...
– Обо мне не думай, Олаф. Я и защиту охотников Хантэрхайма добуду, когда надо будет.

– Теперь одному охотнику против скингеров не поможет и такая защита... А “вороны” системы будут искать вольных охотников и без меня...

Грелл задумался – мои доводы убедительны. Он, не колеблясь, снял руку с гаснущей панели управления.

– Мыждемся охотников и вместе решим, что делать.

– Я решу, что делать, Грелл. Я уже решил... Мы убьем Зверя и уйдем – скроемся...

Грелл резко обернулся ко мне, сводя леденеющий взгляд с носящегося в воздухе кнута...

– Убьем – “зверя”?..

– Он идет за нами, Грелл... Неотступно, как “вороны” системы... Он будет забирать у нас охотников, как они...

– Что за “зверь”, Олаф?.. Тебе что, эта буря голову снесла?.. Тебе что, духи снежной пустыни явились?..

– Он один – Ангрифф...

– Твой головной...

– Я дал ему волю, натравив на врагов... И он сжег их всех... и врагов, и друга...

– Бйерн?..

– Да. Ангрифф шел следом... Шел и идет...

– Ты ж не думаешь, что он мстит нам...

– Мстит он мне одному – других он просто убивает...

Грелл колко прищурил закрытые полупрозрачным затемнителем глаза...

– Что он сделал с тобой, Олаф?..

– Он сделал меня Зверем, Грелл...

– Ты всегда был таким.

– Ты не понял... Этот бич... Этот горящий холодным огнем бич связал нас кровью...

– Или этот зверь носитель вируса, внедряющегося в ДНК чужим кодом... или ты просто умом повредился, пролив столько своей и чужой крови, Олаф.

– Нет, ты не понял... Этим горящим бичом мы рассекли наши души пополам и разделили обломки поровну, обменявшись ими... Он взял часть моего духа, отдав мне часть – своего... И мне не вернуть души, не убив его...

– Вы обменялись не душами, а злобой...

– Не верь мне, Грелл, но будь бдителен. Помни, что он идет следом, что приходит с бурей и забирает охотников...

От его прежней радости при встрече среди бескрайних снегов не осталось и следа. Грелл сумрачно проводил взглядом взметнувшийся над спинами снежных зверей кнут, и опустил глаза. Теперь я не слежу за ним – я провожу упряжку в открытые ворота заметенной метелями подземной базы территорий Штормштадта, закрытой и брошенной бойцами системы...

Запись №6

Я вошел в зал, оставив упряжку на Грелла, забыв, что Грелл здесь не один, что охотники подобрали нового бойца... Вон он – спит у костра, завернувшись в шкуры... Не до него мне сейчас – уж очень я промерз и вымотался... Жар приступами бьет мне в лицо и обдает спину холодной испариной... Мне нужен покой, а здесь... Черт... Я грубо пнул бойца сапогом под ребра... но он и не шелохнулся.

– Вставай давай. Хватит трупом притворяться.

Я подошел к костру, протягивая руки бьющемуся со сквозняками огню, ожидая ответа... Но боец не отозвался, и я, резко развернувшись к нему, сдернул покрывающую его шкуру...

– Мне не до тупых шуток сейчас...

Сигурд?.. Это он... Просто его лицо посерело от обморожения и мороз выгрыз на нем черные язвы...

– Черт... Сигурд... Сигурд!

Он не отвечает... Он без сознания, едва живой... Как мне нужен регенератор... Но он брошен среди бескрайних снегов... Брошен, как сломанное оружие, которое нет смысла тащить с собой... Мы не могли тащить его с собой в буран, выбиваясь из сил под тяжестью снаряжения...

– Ты – Олаф?

Я поднял глаза, рассматривая незнакомого бойца, вышедшего из темноты и неуверенно вставшего в дверях...

– Я.

– Грелл обещал остаться со мной, но ушел... А этот охотник... Я нашел его у самых врат... Я не знал, что нужно делать и... Я правильно сделал, что принес его сюда?..

– Правильно. Тебя как называть?

– Ханс.

– Ты что, тупой?

– Не знаю...

– Это что значит?

– Просто, я не знаю...

– Иди помогай, разберемся...

Он сделал все, что я сказал, – все, без исключений и с предельной точностью... Хоть и неловко, но он помог мне обработать раны охотника и растолочь сухой мох для отвара... Я перехватил спутанные волосы шнуром, склоняясь над огнем, дымящим угаром, над парящим котлом...

– Дай мне тот прут... Ханс! Тот, железный!

Ханс, подав мне прут, сразу запущенный мной в бурлящую пузырями воду, зябко съежился и отступил к стене, отворачиваясь от меня...

– Ты что это?..

– Олаф, мне очень страшно...

Я поднял голову, осторожно прижимая к ободранной морозом скуле перевязочную полосу, сложенную и пропитанную еще горячим отваром...

– Что?..

– Страшно, Олаф... Я ничего не понимаю...

– А что тут понимать?..

– Хоть что-то...

– Ты что несешь?..

– Я не знаю... Я ничего не знаю, Олаф!..

Я поднялся в дыму и пару, бросая в кипящий котел раскаленный прут с рукоятью из куска облезшей шкуры... Моя тень взметнулась вслед за огнем... В морозной тишине треск жарких углей слышен особенно четко, и кипящая смола разрывает обломки еловых сучьев громом... В этой тишине ворчит, улегшийся у костра, обрывок промерзшего ветра, бурчит, выкипая, заключенная в котле вода... Но этот боец продолжает молчать, пряча глаза от нападающих на него красных всполохов...

– Как можно не знать ничего?..

Грелл, скидывая затвердевшие льдом перчатки, тяжело положил руки ему на плечи, опуская на шкуру, расстеленную на полу...

– Вот так, Олаф, – он ничего не знает. Его память не загрузили при запуске. Он не понимает, куда и откуда он попал, – ничего не понимает...

Черт... И что теперь делать? Что с ним делать?! Я с отчаянья вырвал из котла прокаленный прут, наставляя бойцу в грудь...

– Отвечай внятно, что ты знаешь?!

Боец замер, молча смотря на меня открытыми страху глазами...

– Отвечай!

Грелл с досадой толкнул меня, отстраняя... Теперь огонь бросает отблески на его покрасневшее пятнами лицо...

– Сказал же, Олаф, он ничего не знает...

– Он не может не знать ничего! Он знает речевой код! Он же... Он же не прямо из снежной пустыни вышел!

– У него в голове одни обрывки знаний. Системе не хватило времени дать этому бойцу полноценную память. Он умеет управляться с оружием, но ему не ясно, что происходит. Он не понимает, что он был бойцом системы и стал вольным охотником.

– Но он ушел из системы! Как он ушел?..

– Сказал, что командир ему идти приказал, он и пошел... не поняв, куда и зачем его послали.

– Вот черт... И все на нашу голову... Боец из Штрауба... еще и недоработанный... Какого черта?.. Что с таким в стылой пустыне Хантэрхайма делать?..

– Мы забрали его у ледяной пустыни, Олаф... Мы не можем теперь вернуть его льдам Хантэрхайма... Я развел для него этот костер, скормив огню дерево вместо жира скингера... Я разделил с ним мясо и шкуры, добытые мной...

– Он не отработает... Грелл, нам нужно...

– Нет, он делает все, что надо, когда объяснишь четко, что надо делать. Он останется, Олаф. Нам придется с ним повозиться, но он станет охотником – будет ходить с нами к растопленным лугам и бить зверя.

– Мы потратим силы на него, на Сигурда... А что останется нам, Грелл?!

– Сигурд?..

Грелл только что заметил его, укрытого шкурами, и Ханс сжался под его взглядом...

– Грелл, пойми, я не могу тратить силы на него... Сигурд опытный охотник, он необходим нам...

Грелл просветлел, подходя к охотнику, но его взгляд снова отразил грозовой мрак, как только он всмотрелся Сигурду в лицо...

– Олаф, он не встанет...

– Я не отдам его ни огню, ни морозу!

– Успокойся, я не трону его. Он умрет без моей помощи – к рассвету, Олаф.

Я обернулся к Хансу, распахнувшему глаза с еще большим страхом...

– Я дам тебе слово, что ты останешься здесь до тех пор, пока Сигурд не возьмет оружие! Тогда мы решим, останешься ты или уйдешь!

– Мне некуда идти, Олаф...

– Тогда приложи все силы, чтобы остаться с нами. Мы даем тебе наши силы, в обмен ты даешь нам – свои. Это нерушимое правило вольных охотников – это наш закон. Тебе ясно?

– Так точно.

Грелл встал на пороге, обдав меня тревогой, и выбежал в коридор... Я побежал за ним, жестом остановив Ханса, оставшегося с Сигурдом, еще погруженным в тяжелый морозный сон... Грелл обладает тонким чутьем, вынуждающим его глаза промерзнуть и загораться со скоростью налетающего со штормом ветра... Он всегда видел и слышал, когда я стоял в немой темноте... Но теперь слышу и я... Этот рокот, разносящийся по простертому насту и затихшему в безветрии воздуху, – это звон когтей мчащихся к вратам зверей, это лязг промерзшей упряжи, гул зашкеленного бича... Мой крик перекрыт свистом кнута и дыханием зверей, но я кричу...

– Где охотники, Дйерв?! Где упряжки?!

Не дожидаясь ответа Дйерва, сбросившего оскаленную голову зверя с искаженного лица, я отвернулся, прижимая к стене открытую ладонь, – крепко, до холодной боли... Грелл, мрачней, обхватил Дйерва за плечи, жестко встряхнув...

– Где охотники, Дйерв?..

Дйерв сбросил с плеч ослабшие руки Грелла, оборачиваясь к упавшим в снег без сил зверям, к снежной равнине...

– Олаф... Грелл... Не ждите... Они не вернуться... Я вернулся один.

В глазах Грелла мерцает ледяная пыль – колючая и острая, но Дйерв твердо смотрит ему в глаза... Оборачиваясь через плечо, сжимая зубы, сжимая в кулак замерзшую руку, будто пригвожденную к стене морозом, я открываю ему ментальную линию...

– Он забрал их?.. Зверь забрал охотников?..

Дйерв, сомкнув тонкие губы, рванулся ко мне, но, бледнеющий, Грелл удержал его...
– Ты знаешь, Олаф?..
– Он шел с бурей – Зверь...
– Буря прошла стороной, но поднялась метель, и мы еле тащились... так и не добравшись до “жгучего луга”...
– Зверь увел охотников в белую мглу...
– Он явился, будто отпущенный самой метелью, выйти к нам – охотникам...
Грелл опустил голову, прогоняя открытый взгляд гордого воина волчьим – исподлобья...
– Дйерв, ты потерял их?..
– Нет, Грелл... Я нашел их всех... Тогда я... Я разогнал бич, гоня зверей...
– И бросил все – и снаряжение, и упряжки?..
– Я не мог забрать их, Грелл. Зверь шел за мной... до самых ворот...
– Ты бросил снаряжение из-за обезумевшего зверя?..
Дйерв вскинулся, но удержал вскипающий гнев за зубами...
– Ты не видел Зверя, Грелл. А я видел его... И Олаф – видел...
Северный ветер набросился на меня, ударив в спину, и я повернулся к нему лицом... Его холодные зубы впиваются в мое открытое лицо, его ледяные когти цепляются за мои волосы, но я вдыхаю его, запрокинув голову, разводя сжатые в кулаки руки, закрывая глаза... Ангрифф! Ты пришел с бурей! Ты ждешь меня у ворот моей крепости! И я выйду к тебе! Я убью тебя! Убью тебя, Зверь!

– Мы убьем Зверя... Мы – охотники Хантэрхайма, дышащие вольным ветром! Мы убьем Зверя, приходящего с белой мглой!

Дйерв обрывисто кивнул головой, разрубая прямой ладонью пути северного ветра...

– Мы должны убить его, Олаф. Грелл!

Грелл, пригнув шею, через плечо всмотрелся в северный ветер прищуренными глазами...

– Мы должны убить его – Зверя... Олаф выследит его... Олаф связан с ним кровью и мстью... Мы сделаем это... Теперь мы связаны этой клятвой, как этим холодным ветром...

Ханс, сжимаясь под ударами стужи, бросился к Греллу, но остановился в нерешительности чуть поодаль... Он видит перед собой не знакомого ему еще охотника, различающего шепот ветра в ночной мгле, отвечающего ветру волчьим воем, освещающего темноту волчьим глазом... Ханс с немым ужасом наблюдает, как охотники Хантэрхайма взывают к силе, данной им для борьбы с северным ветром, – к силе зверя...

Запись №7

Я схватил Ханса за руку, вырывая из ветреной стужи... Он обернулся назад, готовый свернуть себе шею, но не проститься с Греллом...

– Это Грелл?.. Это он?.. Что с ним?..

– Не подходи к нему. Он готовится к бою.

– Со зверем?

– Да.

– Не надо...

– Так нужно. Мы даем смерти чужие жизни – иначе смерть берет наши. Мы обрываем чужие жизни, продолжая – наши. Бессильные – нищи. Им нечего дать смерти взамен их жизни, и смерть забирает их. Грелл должен призвать силу, данную ему свыше силы воина.

– Но эта сила уродует его лицо...

– Молчи. Мы оборачиваемся зверьми, чтобы сразиться со Зверем.

Ханс вырвался, отшатнувшись от меня к костру, хватая горящую головню опаленной перчаткой...

– Вы оборотни!

Я отпрянул от огня, не успев опомниться и сдержаться...

– Я понял, вы – оборотни, боящиеся огня! Все вы – вы не только охотники, вы – звери!

Огонь стучит у меня в висках частым пульсом... Огонь в руках этого неуклюжего солдата обездвижил меня... как огонь Зверя, в котором сгорел Варт... Я вижу, как Грелл метнулся к блекнушему в огненном зареве бойцу, вырывая у него факел, но и мечущегося серой тенью Грелла затмевает огонь...

– Брось! Брось в костер! Брось, Ханс! Олаф убьет тебя! Брось!

Но Ханс упрямо отгоняет Грелла пылающим факелом, стоя спиной к высокому костру, защищающему его сзади... В глазах темнеет, остается только носящаяся в пустоте вспышка, оставляющая светящийся след, – гаснущую во мраке дорогу, оборванную бездонными пропастями... И я иду по этой дороге... через огонь... в холодный мрак...

– Ханс! Брось! Олаф и правда – оборотень! Он разделил душу! Он отдал часть души снежному зверю, сжигающему врага пламенем! Он забрал себе часть его души! Теперь его сердце студит холод и жжет огонь, морозящий и выжигающий сердце Зверя!

Клок огня падает, рассыпаясь искрами... В глазах проясняется... проявляется силуэт виновато понурившегося бойца...

– Обратней вообще не бывает. Это все старые сказки. Я не должен верить им. Это не правильно – верить в сказки, я знаю... Я знаю, что человек не способен обращаться в зверя, как зверь – в человека... Это я знаю точно.

Грелл отбросил головню к костру...

– Может, Ханс, но не так, как ты считаешь... Мы обращаемся в зверей разумом, а не телом...

– Но тогда зверь не способен быть оборотнем – у зверя нет разума...

Я отгеснил Грелла, сверкнувшего на меня глазами...

– У зверей – нет, у Зверя – есть.

– Нет, я не должен в это верить. Это не правильно...

– Старые легенды – это все правда, Ханс... Только выглядит эта правда вне легенд чуть другой...

– Это не правда, Олаф... Это ты наделил зверя разумом...

– Да, Ханс... Я пробудил эту, спящую в нем, злую силу... когда он пробудил злую силу, спящую во мне...

– Он лишил тебя рассудка, Олаф...

– Да, Зверь проснулся во мне...

– Олаф, прекрати... Я не понимаю... Все не так... Только похоже, что все так, как должно быть, но все не так... Все только кажется... Все только кажется тебе, Олаф... А ты только заставляешь всех видеть твои видения... Не заставляй меня...

– Ты не способен видеть... В тебе нет этой силы, боец Штрауба...

– Не смотри на меня так, Олаф... Я не позволю тебе так смотреть на меня...

Ханс закрыл глаза руками, и я отступил от него – от его страха передо мной... и от его упрямства сопротивляться мне... Но, опомнившись, я схватил его за руки, отнимая их от его лица, открывая его глаза силой...

– Ты пойдешь со мной! Ты увидишь его – Зверя, приходящего с бурей! Увидишь Ангриффа! Увидишь таким, каким вижу его я! Таким, каким видим его мы все! Таким, какой он есть – Ангрифф!

Запись №8

Грелл, пасмурно молча, но не переча, заложил упряжку, не заменив лишь головного – старый Форфирд, хоть и устал после сложного перехода, снова первым пойдет, а замкнет юная Ангст, заарканенная и заезженная мной с месяц назад... Это плохая упряжка, но выбора у меня нет – другие, ходившие сегодня, звери еле держатся на ногах... Дйерв смерил меня суровым взглядом...

– Не следует начинать Страшным и кончать – Страхом...

– Я не могу перепрячь Ангст – она замыкает... И – к черту!

– Не будь таким заносчивым, Олаф. Она тебе еще себя покажет...

– Ничего она мне не покажет, кроме страха, когда увидит мой бич! Пошли!

Я спустил трескучий заряд, отключаясь от линии связи, взлетая на поднявшуюся и тронувшуюся платформу... Ханс, покорно взявшийся за поручни, проводил отдаляющуюся базу тоскливым взглядом... А я спустил очередной разряд, гоня зверей в простертую перед нами пустыню, держа курс к едва видимым на горизонте скалам...

– Видишь этот горный пик, блистающий снегами в поднебесье, – это Тилл-Фйэлл... Мы направляемся к нему...

– В горы?..

– Вверх... На самую высокую вершину... С нее виден вечно сияющий во льдах маяк – царство охотников – Хантэрхайм...

– Я знаю про эту северную крепость, сравнимую с одним Ивартэном.

– Хантэрхайм мощен, как Ивартэн, но нет ничего сравнимого с ним – с Хантэрхаймом...

– Ты служил в этой крепости?

– Нет – в Штормштадте. Это одно из северных укреплений Хантэрхайма... Это укрепление еще называют “ветроломом” из-за нестихающих бурь... С вершины ты увидишь и Штормштадт...

– Олаф, но сейчас стемнеет...

– Хантэрхайм сияет и днем, и ночью...

– Остановись, Олаф... Не надо дальше...

Ему в ответ мой бич спустил разряд, разлетевшийся искрами по хребтам снежных тварей, несущихся к промерзшим скалам... Все быстрее – к горам, все ближе горы... Все выше пики скальной гряды, все вверх... Все темнее ночь, все ярче звезды... Все тяжелее дышат почерневшие косматые твари... Все холоднее ветер... И все злее его зов... Ангрифф! Он идет за мной! Он идет следом!

– Ты слышишь его?.. Он поднимается...

– Я ничего не слышу, Олаф... Только ветер... Здесь такой сильный ветер...

– Он здесь... Он идет следом, взбирается на Тилл-Фйэлл...

– Остановись, Олаф... Эти звери устали... Они упадут – сорвутся вместе с нами...

– К рассвету Грелл и Дйерв будут здесь... К рассвету они взойдут на Тилл-Фйэлл...

– Что ты задумал, Олаф?..

– Мы убьем Зверя. Зверь останется здесь – его погребут снега у подножия Тилл-Фйэлл... а нам будут светить звезды с его вершины...

Знакомой тропой обогнув ущелье, чернеющее в слабом отсвете фонаря, я вывел зверей на узкую обледенелую площадку у острия Тилл-Фйэлл... Я опустил платформу, отключая подачу энергии, и указал бойцу Штрауба звезду, сияющую ярче других...

– Смотри, это Хантэрхайм...

Мы молча смотрим на бьющие в небесную пропасть лучи, выпускаемые поднятыми над снежной пустыней ледяными иглами – башнями Хантэрхайма... Среди этого лучистого свечения особенно ярко блистают пограничные вышки “хранителей”, смотрящих в снежную пустыню неспящими глазами... Но в темном небе разгорается хрупким переменчивым светом северное сияние, окружая нас зыбким мерцанием, вынуждая скрываться от всевидящей техники Хантэрхайма... Как только мы вошли во тьму, оно явило нам Зверя, вышедшего из темноты...

Я разрядил бич, прогоняя Ангриффа во мрак, обратно... Но он остался здесь, ждать и смотреть... А Ханс, взглянув на него с непонятной мне грустью, уселся на опущенную платформу. Он не выпускает из замерзших рук подключенного излучателя, но не озирается по сторонам, высматривая скрытого мраком врага, а, затаившись, слушает тишину... Из него выйдет охотник... хоть он и не боец Хантэрхайма...

Запись №9

В темном холоде горят только глаза – мои и Зверя... Только искрящий бич протянут мостом через тьму между злых огней...

– Олаф, не надо... Ему и так страшно здесь – на холодной вершине, окруженной всеми ветрами... Он устал бродить в пурге, ища укрытие и других скингеров... А ты его...

– Молчи, Ханс... Он пришел отомстить мне...

– Он пришел за этими зверями – он их знает... Он считает их своим отрядом – он ведь их командир...

– Он лидер стаи...

– Олаф, но скингеры... У них не стаи, а стада – они не хищники и не птицы...

– Это дикие звери, Ханс. Они не жрут, но сжигают нас – свободных охотников... Только солдаты системы называют стаи стадами... Они выходят на охоты с мощным оружием, со специальной защитой, со сложной техникой... И называют стаи диких скингеров – стадами...

– Но ведь скингеры не злые... Они никого не трогают, когда никто не трогает их... И заботит их только мох, который они едят, для которого они топят лед и греют бедную холодную землю... Олаф, мшистый луг среди снежной пустыни и мохнатые звери – это хорошо...

– Хорошо. Но только, пока с этими мохнатыми зверями не надо сражаться.

– Они защищаются... Это правильно, Олаф... Я знаю, что изначально скингеры были запланированы не такими, что они должны были быть доверчивыми и беззащитными... Сначала, когда их только сделали, они такими и были... Но они научились защищаться со временем... И это правильно, Олаф...

– Что ты знаешь об этом?..

– Просто, я такой же, как они... Я ничего не знаю и мне страшно, хоть я и умею обращаться с этим мощным оружием... Я, как этот зверь, боюсь тебя, Олаф... Но у меня нет никого, кроме тебя... Мне некуда идти в этой снежной пустыне – я могу только быть рядом с тобой, зная что ты погубишь меня...

– Зачем остаешься, если – знаешь?.. Я не держу...

– Я еще надеюсь, Олаф... Надеюсь на тебя, ведь на себя мне здесь надеяться и думать нечего...

– Ты прав. Ты один здесь ни на что не способен... Но не равняй себя с этими тварями – они созданы для белой мглы...

– А я создан для войны, Олаф... Но мне известно, как страшно оказаться посланным в бой, не зная, что предстоит пройти, как преодолеть... Ты завел этих зверей в белую мглу среди чужих им далей, связанных веревками, под ударами кнута, горящего злобой, – ведь ты был зол на них... а они просто не понимают, не знают... Командир срывал на мне злобу, как ты на них, – только за то, что я не понимал, не знал... Но я не хотел уходить от него, от взвода в лес к врагу, когда он прогонял меня, заставляя идти... Он заставил... И я ушел – в темный бурелом...

– Ханс, ты... Он тебя в разведку послал, а ты...

– Я не понял, куда он меня послал... Я просто шел, пока меня не подобрала другие бойцы, а потом – охотники...

– Неужто командиру послать, кроме тебя, некого было?..

– Некого...

– Перебили всех?..

– Не всех... Просто, остальные все, как и я, были – недоработанные...

– Нищает армия системы, раз таких бойцов воевать посылает...

– Нет... Просто, времени не было дорабатывать...

– Нищ тот, у кого нет времени. Не имеющий времени, не имеет и жизни.

Ханс перевел на меня тревожный взгляд...

– Олаф, я не знаю, что такое – время.

– Что-то вроде энергии пространства. Это измерение пространства... четвертое измерение.

– Я слышал, что их одиннадцать...

– Их – одиннадцать только при сложных расчетах, а при простых – всего четыре.

– Нет, я не понимаю...

– После об этом, не сейчас.

– А ты много знаешь...

– Не много – я простой боец.

– А я сначала думал, что ты ничего не знаешь, как я... Решил, что ты дикий, как зверь...

– Я стал диким, как зверь, Ханс, но я не забыл, что этот мир подчинен порядку.

– Я ж думал, что ты колдуешь у котла...

– Чушь какая... Просто мхи с лугов скингеров обладают антисептическими свойствами... Я покажу тебе, как их обрабатывать правильно...

Ханс простодушно улыбнулся, с непонятным мне спокойствием, нашедшим на него так вдруг... Но его глаза снова открылись страху, когда пылающий бич рассек воздух, гася загоревшиеся вблизи глаза Зверя...

– Как ты можешь думать, что этот скингер осознанно преследует тебя, зная, что гром – отголосок разряда молнии?..

– Ангрифф! Он преследует меня! Он идет с бурей! Идет следом за мной!

– Ты твердишь это, как заклинание!

– Это и есть мое заклятье! Это мое проклятье – моя месть!

– Преследуешь его ты, а не он тебя! И сейчас ты испугаешь и разозлишь зверя! Заставишь его нападать защищаясь!

– Он слишком силен и умен – он нападает, атакуя, и защищается, отражая атаку!

– Он – скингер, Олаф!

– Ангрифф – Зверь!

– Он не дух этой снежной пустыни! Он простой скингер! Дай зверю время понять, что ему делать дальше! Не путай его, вставая у него на пути, не сбивай его простые мысли! Не тревожь зверя, оставь в покое, и он уйдет! Преодолеет страх, и уйдет искать скингеров среди лугов, оставив всех вас – охотников! Забыв вас всех и ваше преследование!

Ханс посмотрел на меня с неожиданной настойчивой твердостью, видно, сочтя, что у меня еще есть обрывок разума, к которому он способен воззвать...

– Он не забудет...

– Он вспомнит, что охотникам нужна его шкура, когда они придут содрать с него шкуру, как каждый скингер, Олаф!

Я с удивлением, о котором давно позабыл, всмотрелся в лицо недоработанного бойца Штрауба... Бледное от холода открытое лицо, отражающее первые проблески рассвета...

– Ханс, надень маску, обморозишься...

Первые проблески рассвета гаснут на его закрытом лице... Рассвет... Красный луч хмелит разум, заливая кровью мои глаза... Дйерв встает против света каменной глыбой и Грелл прокрадывается среди лучей... Ветер бьет мне в грудь вьюгой... Ветер свивает в веревку мои волосы, вяжет их в узлы... Мы связаны северным ветром... Мы поклялись убить Зверя!

– Ангрифф! Ты будешь погребен несходящим снегом у подножья вершины! Ты будешь низвергнут с Тилл-Фйэлл ветром севера, Зверь, приходящий с бурей!

Запись №10

Я упал на колени, но вьюга вихрится вокруг, окружая и кружа голову... Все вертится, вращаясь, – все вокруг острия Тилл-Фйэлл, вздымающегося над снегами, скрывшими холодные тела Грелла и Дйерва... А Зверь входит в круг, кружась со мной, смотря прямо мне в глаза, не отводя взгляда... И вой ветра заглушает мой крик... И крик Зверя заглушает вой ветра... Но я оскалился Зверю клинком... Этот кинжал – мой единственный, еще не выбитый, клык... И я режу мои волосы, спутанные с шерстью Зверя...

– Ангрифф! Огонь твоей злобы забрал моих охотников! Ты забрал их всех! Но зачем ты взял его?! Он не знал ни одной охоты! Он не знал ничего, Ангрифф!.. Ничего, кроме зла, в котором старался разглядеть добро!.. Он не знал, что не будет пощады!.. Не будет пощады от Зверя!.. От тебя!.. От меня!.. Зверь не знает пощады!.. Он – зло!.. Только – зло!.. Но ты – простой зверь! А я – простой человек! Ангрифф! Тебе не сделать меня Зверем! Я не стану Зверем! Я не позволю стать Зверем тебе! Ангрифф!

Лезвие лязгнуло, столкнувшись с когтями и ударило об лед, выскальзывая из окровавленной руки... Я метнулся в сторону, хватая и подключая сбоящий бич, сбрасывая тяжелую шкуру... И невидимый мне через пустые глазницы зверя боец открыл помутневшие от боли глаза...

– Я забыл, что был человеком, Ханс... Но я вспомнил... Я стану человеком снова, я смогу... Я стану человеком, когда не станет Зверя...

– Зверя не станет, когда ты перестанешь считать им его и себя...

Ветер трезвящим холодом пролетел по моему искаженному оскалом лицу... Я подхватил бойца, бросаясь к упряжке... И бич обрушился на спину головного... Форфирд дернул постромки, налетая на ветер широкой грудью... А бич взвился над ним вновь...

Головной упал на узкой тропе меж скалистых ущелий... Я подключил тягу, тормозя платформу, останавливая следующих за ним зверей... Но он рухнул, как подкошенный, и идущий следом налетел на него – сорвался, стягивая других... Я обрубил постромки, отпуская его крик с ветром, отдавая его снегу... Он уволок с собой и упавшего головного, оставив мне только Скальда и Ангст... Я спрыгнул на землю, осторожно подступая к испуганным скингерам... Скальд... Нет, он не может вести... Поведет Ангст... Я рискну впрямь ее головой...

– Ангст... Послужи мне... Я дам тебе волю... Но сейчас ты поведешь...

Скальд охотно бежит за ней, беспрепятственно рвущейся вперед, в ветер... Она послушна моим окрикам, моему бичу... Я притормаживаю ее на поворотах, и она устойчиво проходит сложные участки... Я гоню ее на прямой дистанции, и она несется, не зная удержки... Но она молода, и на прямых ровных участках несет, непослушная мне...

Ангст окончательно сорвалась и понесла, стоило нам спуститься к подножью гряды... Что остановить ее я теперь не смогу, я понял только сейчас – как-то внезапно, как-то вдруг... Я стараюсь не смотреть на бойца, закрывшего глаза в забытии... стараюсь не слышать его дыхания... не замечать глубокие ожоги... Он не знает, что такое крик, как все бойцы системы, умирающие молча, но я хочу, чтобы он кричал... тогда бы я знал, что он еще жив, хоть его и гложет эта боль... Я вколлот ему тяжелый болевой блокатор... но ему больно и сейчас... А Ангст несет нас не к базе, а... Я не знаю, куда она несется, – в белую мглу...

Отчаянье сковывает мою грудь холодом, не давая вдохнуть... В несгибаемой руке гаснет отключенный бич... Подача энергии прекращена, поле распадается, распуская управляемые частицы, и рукоять разрядника лежит в отможенной руке никчемной вещью... Но где-то очень глубоко еще бушует буря, еще горит пожар, поджигая мой кнут...

Нет, я не смогу ни жить, ни умереть человеком... Я бужу силу. И расправленные плечи становятся легки, как крылья. Я горю, сгорая в этой силе – силе Зверя... Я горю, горит мой бич! Под моим бичом стогит и Ангст! Она стогит в моей ненависти!

Запись №11

Горящим кнутом я выправил курс, но Ангст не покорилась мне – упала замертво, окутанная клубами едкого дыма опаленной шерсти, увлекая за собой и задыхающегося Скальда...

– Ангрифф! Будь ты проклят, Зверь!

Я осмотрелся, ища его, прижимая бесчувственно холодную руку к теряющемуся пульсу бойца... Но я не вижу его...

Оставив бойца под едва тлеющим защитным полем, я отправился искать зверя. Рыщу в снегах в поисках его следа, но не нахожу ничего – ни царапин от когтей... ничего... Наст чист... Ангрифф скрывается от меня, возвращая мне все ожоги огненного бича этой мерзлой мукой... Он гасит мою силу, с которой меркнет и жизнь... Я падаю в снег, стараясь подняться, но могу только ползти вперед, в белую мглу, в безмолвие снежной пустыни... Вольный ветер пролетает надо мной, не задевая, не замечая меня... Только низкая поземка нападает на меня, засыпая глаза ледяной пылью, заставляя глотать холод, остужающий кровь на потрескавшихся губах...

– Ангрифф... Ты отомстил мне за мою месть... Дай мне прощенье, взяв мое... Ангрифф! Я не просил прощенья у системы! Я не просил простить меня моих людей! Но я прошу тебя!

Горящий глаз блеснул перед глазами... Я ухватился за косматую шерсть, взбираясь на спину зверя, падая на его шею... Он не сопротивляется мне – только с трудом тащит меня вперед, обратно... А боль запертым огнем бьется в висках...

Я не отпустил клочок шерсти зверя, когда упал в снег, но он и не думал уходить – он застыл на месте с низко опущенной головой и потухшими глазами... К платформе ближе он не подошел, и мне пришлось протащить ее, взявшись за режущие руки тросы... Он позволил впрячь себя и побрел со мной бок о бок...

Мы не остановились и тогда, когда высоко в небе, над стылým ветром, пролетел разведчик Хантэрхайма, бросая мне под ноги тень птицы... Он еще не ищет – только облетает территории... Но скоро он будет искать, а я – скрываться... Как зверь от охотника...

Запись №12

Ангрифф без сил рухнул у погасшего костра, возле остывшего в вечном холоде охотника – возле оставленного нами один на один с морозным сном мертвого охотника... Я, едва держась на ногах, разжег в жестянке огонек, топя жир скингера... Обработал ожоги Ханса и уложил его, спящего в сумрачном забытии, на, снятые с изъеденного стужей тела Сигурда, шкуры... Что я сделал в этой злой лихорадке, в этом бреде, в дурмане пролитой крови?.. Я упился кровью до пьяна!.. И теперь у меня нет охотников, нет скингеров!.. Я один – с одним зверем – с одним Ангриффом... С ним мы ушли в буран, горя силой, с ним – вернулись, застуженные бессилием... Я вынудил его убить моих охотников... Я убил его скингеров, стараясь убить его... А теперь... А что теперь?.. Моя сила сиянием изошла из черных ран в снежную пустыню... Снежной пустыне отдано все – отдано мной... И моя сила, и сила этого могучего зверя... и силы моих охотников... и силы этого несчастного бойца... Я один! Один в снежной пустоте! Один – без силы духа белого безмолвия, приходящего с бурей... Только “черные вороны” слетаются ко мне... Они выключают мне глаза, ослепшие в бескрайних снегах...

Я сел у стены между бойцом и зверем, безвольно уронив голову на поднятые колени...

– Олаф... Не оставляй меня одного...

– Не оставлю. Не надо бояться, Ханс...

– Только мертвые ничего не боятся...

– Верно... Мертвым не страшно ни жить, ни умереть...

– Ты не мертв, Олаф...

– Нет, не мертв... Я искал мести, ища смерти... Но погубил только других... Не так, как воин, и не так, как зверь, – как ледяная пустыня, не разбирающая, кто друг, а кто враг... Я стал Зверем – духом снежной пустыни, приходящим с бурей... Я сгорел и замерз среди вечных льдов и огней... Я не знаю, что будет со мной теперь, когда я очнулся... Но я не отдам тебя ни льду, ни пламени, Ханс... Я помогу времени стянуть рубцами эти ожоги жара и холода... Я научу тебя всему, что знаю...

– Ты обещаешь, Олаф?..

– Я дам тебе слово. Мы будем охотиться вместе – и бить зверя, и ставить силки...

– Отпусти Ангриффа...

– Он волен идти, куда вздумает... Он уйдет, Ханс, когда залечит раны... А сейчас я нужен ему... И я отдам ему силы взамен сил, которые он отдал мне...

– Ты дашь слово?

– Верь мне – взамен моей веры. И мое слово будет нерушимо.

Я разгоню “черных воронов” Хантэрхайма, отдав им мой страх, взяв у них мою свободу. Я заберу “стрелы” охотников Хантэрхайма. Я обменяю зверей на технику, отпустив скингеров в белое молчание и взяв у белой мглы машины. И если передо мной не склонятся ветры северной пустыни, склонятся ели и сосны Валсхайма – леса Штрауба! Передо мной! Перед воином, дышащим свободой!

Нет, не везет моей невесте в благих начинаниях. Неправильно она себе профессию выбрала. Это мне, историку, все интересно и все пригодно в этих отчетах людей, а ей, врачу... Врач – это ведь призвание тех, кто хочет спасать, а не убивать. А для людей, кажется, важнее нанесение ран, а не исцеление. По крайней мере, для этих людей... В общем, это понятно – они ж в первую очередь

— бойцы и охотники. А врачи у них отдельно. Это у нас разделения такого строгого нет, а у людей... Они создаются или бойцами, или рабочими, или учеными, а общее между ними только одно — они все — военные. У нас не так — у нас полный разброд и никакого порядка в этом плане... Мы рождаемся просто котами и долго думаем, какие мы, для чего мы пригодны, кроме охоты на крыс... И иногда мы что-нибудь такое придумаем... Что-нибудь вроде — посвятить себя наукам (это, конечно в промежутках между охотами на крыс). А что нам еще делать, когда люди вбили нам в головы такой высокий интеллект, ставя на нас — вернее, на наших великих предках — эксперименты по усовершенствованию разума? Нам теперь скучно просто на крыс охотиться... К тому же нам никак нельзя от них отстать — от нашей добычи... А то вон они какие умные — крысы... Обсуждают новые знания — еще и с таким серьезным видом...

Нет, нам никак нельзя им уступать. А то они нас совсем бояться перестанут. Правда, они, к моему сожалению, нас и сейчас не слишком боятся. Конечно, — вон их сколько... целые армии крыс... Нам, в общем, это на руку — мы голодными не останемся. Но только, когда крыс соберется до черта, как Айнер выражается, страшно становится нам, а не им... Хорошо хоть здесь, в руинах Центрального управления службы безопасности системы, где крыс обычно собирается как раз до черта, мы перестаем делиться на охотников и жертв, становясь — исследователями. Договор у нас такой — вот как. Друг без друга нам, просто, ничего не изучить и ничего не извлечь из опыта людей — у них ведь все так сложно устроено, вся эта их техника, хранящая их память...

Вот только в нашем договоре есть тревожащая меня тонкость — он перестает действовать, как только мы переступаем порог развалин этого здания... Я знаю, что мы бы с голоду умерли, если бы этот договор не переставал действовать за порогом... Но действовать он перестает не только для нас, а так же и для крыс... Радует во всем этом только одно — крысы очень идейные... Они уверены, что все находится в одной общей и целой системе, не нуждающейся в их сложных умыслах, — и они, и их хищники... Из этих соображений крысы нас специально изводить не станут... Это точно — по крайней мере, пока нас не станет до черта, как их... А тогда — не уверен, что они нас теснить умышленно не решат... Они заявляют, что нам не придется особо задумываться, соперничая из-за численности, — что нашу численность все равно отрегулируют силы, хоть и подвластные нашему разуму, неподвластные нашему воздействию. У них выходит, что обращаться к таким сложным способам борьбы, как осмысленное противостояние, — просто смысла нет. Они считают, что всегда будут силы, неподвластные нашему воздействию, как бы мы ни вдавались в исследования, познавая их... Понять мы пойдем, а сделать — ничего не сделаем...

Я с ними не совсем согласен. Мне кажется, что не все силы подвластные разуму. Даже люди не до всего дошли... Они действовали, не зная, а полагая, что знают, что делают. Они всегда так делали и у них всегда получалось только хуже... От этого они и вымерли... Зато теперь, благодаря им, мы знаем, что так, как они, делать не надо... Вот так.

Мне страшно от мыслей, что есть силы, превосходящие мои... Но я, особенно тогда, когда вдался в эти исследования, вынужден был признать, что они есть, что с этим крысы — правы. Мы — никуда не погрешь — объекты, подчиненные пространству и времени... Да, точно. Мы все — выходцы из пространства и времени — изучай не изучай, без них — нас просто нет. Мы как бы сделаны из них — из этих, еще загадочных, штук... Вот и выходит, что эти штуки — главнее... Не они же из нас сделаны... Вернее, они сделаны из нас только отчасти, а мы из них — целиком... Вот так. Сам удивляюсь, каким я умным стал... Теперь Айнеру никак меня глупым не назвать... Он, конечно, назовет (он же человек — еще и боец, еще и офицер), но я ему теперь не поверю. Вот как.